

Отдохновение души... , Да скрип пера в пустой глухи; Ни напряженья, ни тревог Я испытать, увы, не смог Покуда сочинял памфлет, В котором смысла даже нет... И все же в этом безголовье Есть смысл: не в тексте, а окрест — Не оставлять свободных мест Для критиканов, что в злословьи Свои заточат языки; И мне хотя и не с руки Писать такие извращенья, Но чем деръмо, прошу прощенья, Перу присвоить своему, Уж лучше сделать самому Другой десяток рифм о чувстве, О страсти и о том искусстве, Что всяк владеет, коль здоров, Без педагогов-мастеров... 2 Начну рассказ с того, что Зина — Моя чудесная кузина — Заехала денька на три В мою обитель...

Посмотри: Я звал ее без задней мысли, Хоть знал, что замужем она, Что занят муж как сатана, Что чувства Зины к мужу скисли, И что теперь она одна Какую ночь лежит без сна. Мы были с ней родными в детстве. Потом судьба нас развела, (В Париже девушка росла), И вот теперь в ее кокетстве, Что было так приятно мне, Поскольку в нашей стороне Игровый нрав пока не в моде, Я прочитал: она на взводе. Я рассмотрел ее лицо И грудь, насколько было видно, И обручальное кольцо, И тут мне стало очевидно, Что буду будто не у дел Покуда ей не овладел. 3... Итак, шел третий день визита. Поутру будущего дня Она покинула б меня. Но как веселье одессита Не покидает никогда, Так и меня хранил тогда Мой светлый ангел от беды Остаться, скажем, «без еды». Сгостились ночь. Умолкли звуки. Уже мои чесались руки Печальный справить ритуал, Как мне Господь ее послал. Не в силах выдержать томленья Младого тела по любви, Преодолев заслон смущенья, В объятия пришла мои Та женщина, с которой я Ночами слушал соловья, Мечтая о большом и чистом... Но этой ночью трубочистом Мне довелось служить при ней — Она всю ночь была моей. Застав меня уже в кровати, Не дав опомниться, она, Как и была — в ночном халате — Меня в момент лишила сна. Кузина мне уткнулась в пах Своим лицом. Найдя головку Она ее лизнула ловко, Чтоб мы не потерпели крах. Но — боже мой! — упругость члена Сильней уже не может быть. Она, поджав одно колено, Велела мне ее любить. И вот он сладкий миг: кузина, Приняв в себя мой инструмент, Обильно кончила в момент, Когда я страстно вскрикнул: «Зина!», И, пригвоздив ее к постели, Разлил свой сок в прекрасном теле... Она, конечно, не ушла. Она мне, плача, рассказала, Как от руки своей кончала Семь раз подряд... И вновь тела, Сошлись в любовном переплете. Она ко мне была добра... Но то, что было до утра С тем удовлетвореньем плоти, Что испытали с нею мы Покинув стены злой тюрьмы, Где держит добрый нрав, друзья, Сравнить, конечно же, нельзя... 4 А утром, ни подав и виду, Что мы близки с ней больше, чем До этой ночи (а зачем?), Я встал, подобно инвалиду, Что охладел уже давно, Махнул ей ручкой, как в кино, Она махнула мне в ответ, И в миг ее растаял след... Она писала мне потом, Стремясь в своих воспоминаньях Найти лекарство от желанья, Но человек рожден скотом. Нам не унять инстинктов наших, Они прожорливы и злы, И из святых презренно падших, Попавших в комплексов узлы, Мгновенно сделать в состояньи. Увы, искать в воспоминаньи Замену сладостных утех — По сути даже больший грех, Чем мы с кузиной совершили, Когда в постели сокрушили Оковы верности жены Вторжением со стороны. И на ее смешные строки, Благодарившие меня За то, что в небольшие сроки Вернул ей радость бытия, Я отвечать считал ненужным. Известен принцип: не пиши Голодным женщинам замужним — И сбережешь покой души. 5 Стоял июль... Средина лета: Покой в природе и в душе; Еще весна

манит поэта — Но осень близится уже. В сей чудный час любил я в чаще Искать малину на кустах. А в этот год зачем-то чаще Я стал бывать на берегах Пруда, что лес сокрыл в объятьях. И вот однажды вижу: платья Лежат одни на берегу. Мне совесть говорит: не надо! Но я отвлечься не могу От найденного мною клада. Я слышу тихий плеск воды И милый женский смех невинный. И как дурман недобрый винный Пьянят грядущие труды. Не разглядев еще бедняжку Хватаю я ее рубашку И прячу в старое дупло (На воздухе итак тепло). Но вдруг смотрю: напасть какая! В пяти шагах лежит другая Рубашка женская...

Ну, что ж, Мужик с двумя на дело гож, Когда мужик он настоящий И инструмент его стоящий. Но справиться с одной легко, С двумя — труднее... Далеко Одежду прятать я не стал; Коль не получится игра, Что модна с ночи до утра — Скажу: шутил и перестал, Теперь свои хватайте платья, Не говорите только братьям, Что завелся такой шутник... И с этой мыслью я приник К земле, в надежде лицезреть Тела девичьи хоть на третью... 6 Нельзя купаться бесконечно. Когда вода к нам и нежна, Когда волна ее беспечна, Увы, закончиться должна Сия приятная отрада. Ведь кое-кто на берегу Давно уж ждет. Его награды Роняя капли на бегу, Спешат найти свои одежды, Чтоб скрыть все прелести от нас, Но нет, не сбудутся надежды Лишить блаженства зоркий глаз. Две нимфы с длинными власами, Что в беспорядке от воды, Встревожиться готовы сами В предощущении беды. В секунду милого смятенья Я вышел к девушкам на брег, Красивый стройный человек, На них я надвигался тенью. Они, в момент прийдя в себя, Рванулись, словно птичья стая, Но я стоял, свой член лаская, Головку нежно теребя. Приятно посмотреть на женщин, Бегущих резво голышом, Когда я был гораздо меньше, Я несмышеным малышом На берегу не раз видел: Отец дочурку раздевал. И вот теперь вернуться в детство Похоже я увидел средство. И позабыв свою охоту Стоял и грезил. Но дремоту Нам надо отогнать рукой: Ведь нынче член мой не такой. Он жаждет спелой женской плоти, Ее не сразу вы найдете. И коль уж шанс дает судьба — Знать предстоит сейчас борьба. Покуда думал я о том, Кого сейчас, кого потом, Я понял: им не убежать. Их стыд не пустит дальше леса, Что вместо платья им завеса. Мне ж остается просто ждать. Ведь к мужу все ж придет жена, Когда она обнажена. 7 Метались девушки как лани, Не надорвали чуть гортани, И их понять заставил я: Не избежать соития. Пришлось мне первую ловить: Друг перед другом неудобно Им было вдруг кому угодно Часы блаженства подарить. Она сначала отбивалась, Изображая гордый нрав, Но все права ее поправ, В ее промежность руку малость Я запустил, и не тая, Она шепнула: «Я твоя!» Я целовал ее соски: Они так выгнулись упруго... А в этот миг ее подруга Уж изнывала от тоски. Представьте: на ее глазах: То, что назад еще мгновенье Обеим им внушало страх, Вдруг оказалось наслажденьем. Мы познакомились потом; Ту, что поймал я, звали Галя, Другую — Ира. Ни ногами, Ни персами и ни лицом Бог не обидел их. Так вот: Я занимался грудью Гали, Ее соски приятно встали, А Ира приоткрыла рот И засосала член в себя, Мои яички теребя. Почувствовав себя готовым, Я наклонил одну из них, Покуда шторм во мне не стих, И член мой освятился новым Священным соком родника, Где по бокам — окорочка. И с каждым новым стоном поршень Все крепче, толще был и больше, Я телом все сильней качал, Но напрягался: не кончал. Когда благим ругаясь матом, Взмолилась девушка: «Не надо!» Я наземь опустил ее, Но тут же наклонил другую И в дырочку ее тугую Направил естество свое. Кончала девушка раз пять. И повторилось все опять. Тогда я лег спиной на траву, И предоставил им по праву Минетом дело завершить. Теперь мой член взяла Галина, Слюна — получше вазелина, Чтоб член свободно мог скользить. А Ира, время не теряя, Мне благодарность повторяя, Язык свой превратив в

мышонка, Лизала ласково мошонку. Когда я понял, что кончаю, Я взял за гривы двух девиц, И как горячим крепким чаем Румяна спермой смыл с их лиц. Они тотчас упали ниц, Касаясь лицами яиц. 8 Потом, увы, похолодало, И было нам пора домой, Но я решил, что явно мало Устал сегодня орган мой. И если девушка красива, Стройна, волос густая грива, К тому же вовсе не ханжа — Такая мне как раз нужна. А если сразу две? Прекрасно, Чтоб время не терять напрасно С чередованьем красоты, Они мне обе как цветы Украсят мягкую кровать, Где так удобно всем давать!... 9 Имел я много разных дам, И тратил я на них бесплатно То, что уходит безвозвратно, Лишь только слышал слово «Дам!» Но не жалею я ничуть О том, что познавая суть И женских ласк, и мирозданья, Я смог в уме построить зданье Логических первопричин Существования мужчин. Поскольку ты не эгоист — Постольку ты не онанист. Читатель милый, удивясь, Насколько данный прост девиз! Зачем напрасно тратить время И натирать себе мозоль, Когда свое ты можешь семя Дать милым женщинам? Позволь Мне предложить тебе совет: Чем самому себе минет Ладонью делать и страдать — Все ж лучше женщинам отдать На час свой член на растерзанье. Такое вот простое знанье Из жизни произвел не вдруг Мой гений — парадоксов друг. И этим дашь ты жизнь другим Мужчинам — детушкам твоим. Мы рождены от наслажденья Постельной схватки. Стало быть, До самой смерти от рождения Должны мы женщину любить Меж стройных ножек, в попку, в рот, Продолжить дабы славный род, Чтоб людям впредь не тосковать, И чтоб давать, давать, давать... 10 Я помню раз, была уж осень, Часы на кухне били восемь — Вдруг раздается скрип двери, И на пороге — mas ch'erie! — Стоит мой старый школьный друг. И словно бы замкнулся круг: Тех лет, что провели поврозь, Не стало в миг. Ему всерьез И искренне я был бы рад И одному. Но глянь назад: Кто за его спиной сокрылся, Стоит, потупив скромно взор, И изучает мой ковер, Что к моему стыду покрылся Изрядным слоем пыли? Да, Не видывал я никогда Изящней женщины, чем эта Богиня страстного минета. Их звали Настя и Олег, Они, супруги-первогодки, Своих оставили коллег, Чтоб паруса семейной лодки Наполнил ветер свежей страсти. А потому в моих дверях Они стоят. Что ж, здрасте-здрасте! — Вы в самых ветреных морях. Вот наступает долгий вечер, Трепещет нежно пламя свечи, В бокалах плещется вино, Порой показывая дно... Олег играть решает в фанты, Чтоб показать жены таланты. Он роется в карманах где-то И достает одну монету. И говорит Олег с насмешкой, Что коль монета ляжет решкой, То мы возьмем супругу в рот, А коли нет — наоборот. А чтоб игре прибавить страсти, Даёт монету кинуть Насте. Она, хоть смущена немножко, Но видно, что не в первый раз Ей мужчин исполнять приказ. И вот явилась миру ножка, Вот туфелька снята, а вот, В ухмылке искривляя рот, Уставив глазки в потолок, Снимает Настенька чулок. Вот пальчиками стройной ножки И с грацией, достойной кошки, Она берет из рук пятак И вверх его бросает так, Что он летит под потолок И возвращается обратно, Перевернувшись многократно, И падает на стол. Итог Таков: орел. А стало быть, Нам суждено ее любить Не через то, чем ест она, А через девичий анал. Олег сказал, что будет первый, Кто Настеньку наполнит спермой, Поскольку мне никто она, Ему же, как-никак, жена. Мы все разделись до гола И Настя первому дала. Чтоб скользким стал ее анал, Олег ей дырочку лизал. Потом приставил к заду кол И внутрь нее немного ввел. Хоть ей заметно было больно, Но видно по глазам — довольна, Что в задницу ее берут, Что наблюдатель тоже тут. Любила Настя, чтоб смотрели, Чтобы ее глазами ели, Чтоб отступала злая стужа Когда она в объятьях мужа На обозрение для всех Нет-нет, да выставит свой грех. Пока я мыслям предавался Олег вперед-назад качался, Да все быстрей, быстрей, быстрей — И с криком в анус кончил ей. Я

был уже готов поштопать, Олег мне место уступил, Чтоб приняла мой пенис попа, Как вдруг со мной заговорил: «Я попку вылизал жене, Чтобы она давала мне. Ты ж на готовое пришел, А это, брат, нехорошо. Быть может, Настя что-то хочет? Спроси ее, мой резвый кочет!» А Настя, слыша разговор, Тот час покинула кровать, Легла спиной на ковер И приказала мне лизать Ей пятки. А до той поры Мне не видать ее дыры. Ну что ж, приятное заданье: Такое милое созданье Велит ей ножки целовать? А после будет мне давать? Решил я вылизать ей стопы, Чтоб до ее добраться попы. Касаюсь пятки языком: Мне этот вкус уже знаком. Скажу вам, не играя в прятки: Лижу я часто дамам пятки. Настасья стонет — хорошо: Я пальчик ей сосу большой. Вторая пяточка вкусна! Под языком уже плюсна, И сами пальчики девичьи Лижу, как требуют преличья. Она же трет себе меж ног, И просит, чтоб я ей помог.

Перемещаюсь вверх по ляжке, Чтоб клитор пососать бедняжке. И вот дрожит Настасьин таз — Девчонку посетил экстаз. Переворачиваю Настю, Уже и сам исполнен страсти, И раздвигаю ягодицы Очаровательной девицы. Она еще немного стонет Но вновь в оргазме бурно тонет. А я, не сдерживая пыла, Настасью атакую с тыла И вскоре заполняю спермой Жену, любовницу и стерву. Олег, быть может, шутки ради, Когда жену ласкал и гладил, Сказал, что быть должна и кода, Таким любовникам в угоду. А Настя говорит в ответ: «Наград одному — минет, Другому — дырочка меж ног, Но чтобы он и мне помог.» Мы начинаем возбуждаться Чтоб этой страсти вновь отдаваться. Садится Настя на Олежку, Взяв в рот мужскую сыроежку. Картина, что ласкает око: Настасья истекает соком, Сосет мой член, ласкает яйца, Олег ей грудь тревожит пальцем, Все это ходит вверх и вниз, И издает то стон, то визг. Уж сами мы не замечаем, Как беспорядочно кончаем. Она мое глотает семя, Размокнув снизу в то же время. На небе месяц засветил — Втроем упали мы без сил... 11 Я часто думаю теперь: Что — чувство? Уж не та ли дверь, Что нас спасет от преисподни? Как мы легко грешим, увы! Лишь только женщина в исподнем Вам разрешит, и вы — не вы, Забыв о долгне и карьере, О женах и друзьях своих, В момент забыв о чувстве меры, Стараясь сразу за двоих — Глядь: вы уже без панталон, Чтоб отоварить свои талон! О, искусиельница Ева, Прекрасная младая дева, Что из Адамова ребра Была для счастья и добра Великим Господом дана! Уже ль нечистый Сатана Смог извратить твоё призванье? Ведь «женщина» — святое званье, «Любовь» — великая стихия! Им посвящал не раз стихи я, По правде говоря, одни Приятны только мне они. Что наша жизнь, когда б не Ева, Когда б не вылазки налево, Когда б не сладостный нектар Ее любовных нежных чар! Любовь от всех болезней лечит! Лишь дуракам она калечит, И то — лишь иногда!, — судьбу. Но я их всех видел в гробу! Лишь совмести любовь с свободой — И жизнь прекрасной станет Одой Самой себе, любви и нам, Кто все глядит по сторонам!...

Теперь, изволь, такой вопрос, Над ним задумайся всерьез: Холодный, гадкий человек, Тот, что в грязи прожил свой век, Хотя бы он и верил в Бога — Ему всегда в котел дорога. Кто в жизни холоден, тот в ад Попасть, возможно, будет рад, Чтоб познавать день ото дня Святое действие огня. Когда же ты всю жизнь горишь И семенем своим сориши, Вливая в каждую нору; Когда, проснувшись поутру И понимая, что устал, Ты молишь, чтобы снова встал Красноголовый воин твой И снова рвался в славный бой? Когда всю жизнь горишь огнем, С утра, в ночи и снова днем? Не отгориши ли весь свой срок Здесь, на Земле, чтоб бес не смог Тебя к своим прибрать рукам?... Так воспоем же гимн полкам Тех женщин, что спасают всех, Хотя и совершают грех! 12 Я раз приехал в гости к Кате. Мы познакомились некстати: Она с супругом, я с женой... Теперь без мужа ей одной Гораздо проще было жить И мне любовницей служить. Я приезжал к ней иногда В свои нелучшие года. Но развлекать она умела, И это

делала умело! Она, кудрявая зараза, Могла иметь три члена сразу: Один — как всякие красотки, Другой — во рту, а третий — в попке. Расклад обычно был таков: Она случайных мужиков Звала к себе домой двоих Для пущих радостей моих. Вот и тогда я к ней приехал, Дал шоколадку и орехов И заказал на этот вечер Еще две толстенькие свечи. Катюша — женщина-артистка, Чуть-чуть эксгибиционистка, А потому не помню раза, Чтоб трое начинали сразу. Она обычно говорит Кто, где, когда и как стоит, И знает всяк, что делать надо, Чтоб «съесть побольше шоколада», Как наша Катя говорит. Итак, мой член уже горит. Стучусь. Из-за двери: «Я жду...» Дверь открываю и иду. Она стоит в вечернем платье И на высоких каблуках. Прекрасную богиню брать я Сегодня буду в облаках. Она мне говорит: «Я вижу, Что вы уже скопили жижу, Чтобы ее в меня излить.» А я в ответ: «Повременить Я Вас прошу. Сочиться быстро Простительно теченью Истры. Но для мужчины — это грех!» В ответ я слышу Катин смех. Она уж преклонив колени Сосет мой член, забыв о лени. Не отпуская этой штуки, Она с меня снимает брюки И приспускает платье с плеч: «Не соблаговолите лечь?» Заботой трогательной Кати Перемещаюсь я к кровати. Тут начинается стриптиз: Ползет с Катюши платье вниз И оголяет грудь девицы. Наполеон по Аустерлицем Был меньше напряжен, чем фаллос, Что тело Катино касалось Грудями сразу с двух сторон! Во истину, шикарный трон Для инструмента сластолюбца! Следы такие остаются Надолго между складок платьиц, А в памяти — навечно, братец! Меж тем качает Катя телом Коричневатым, загорелым, И трется член в тугую грудь! И вдруг она мне: «Не забудь, Ты не один на этом свете. Ждут очереди Леша с Петей». Я отвечаю: «Не беда! Зови же их скорей сюда!» Катюша хлопает в ладоши, И входит в комнату Алеша. Он абсолютно обнажен. И хоть лежу я полуголым, С торчащим вверх горячим колом, Он тем ничуть не поражен. Мне Катя говорит, маня Рукой: «Скорей раздень меня!» Встаet средь комнаты она, Во власть мужчины отдана. Алешу возбуждать не надо: На пенисе уже помада, Он, сделав томное лицо, Секунды лишней не теряет, Вверх-вниз по фаллосу гоняет Из пальцев узкое кольцо. Я с Кати туфельки снимаю, И с восхищением предвкушуя, Как Катя, лежа на боку, Поднимет ножку к потолку. Вот, оголив живот и спину, Я наблюдаю Катерину: Остались трусики с чулками; Вот я касаюсь их руками И сдергиваю все за раз, Как и со всех иных зараз! Открыта в мир волшебный дверь — Катюшка голая теперь. И вот головку запрокинув, И ножки широко раздвинув, Она ложится на столе И нам командует: «Алле!» Я член вонзил ей между ног Так глубоко, как только смог. Но Катин сладострастный стон В груди остался погребен, Ведь было Лешиной головке Нетрудно пасть заткнуть плутовке. Войдя в азарт, как-будто дети, Мы не заметили, как Петя (Как Катенька ему велела) Вшел, и принялся за дело. Он Кате в руки член свой дал, Над нею на колени встал, Она его что было силы Ласкала, терла и доила, И до конца пройдя свой путь Излился Петя ей на грудь. Такое видя откровенье, Алеша не сдержал волненья, И член, покинув нежный рот, Забрызгал Кате весь живот. Уж был и я терпеть не в силах При этих трепетных картинах — Я вынул орган из Катюхи — Как клипсы капельки на ухе, На волосах и по лицу... А мне приятно, подлецу! Но трет себя руками Катя: «Ах, как вы кончили некстати! Всю перепачкали меня! Какой позор — средь бела дня! Но — стоп! — довольно изголяться, Как говорят, любил кататься — Люби и саночки возить. Я вам велю сейчас излить Златой воды свои запасы!» Да, Катя любит эти пассы. И три струи смывают семя, И Катя ловит струи ртом, Чтоб «золото воды» потом Своим почувствовать на время... 13 Устав от наших потных туш, Катюша принимает душ, А мы знакомимся пока — Их руки жмет моя рука. Люблю я, чтоб у мужика Уж коль стоит — до потолка, А коль свисает мягкий член — Так чтобы ниже

был колен. Хоть я такого не имел, И без него любить умел, И комплексами не страдал — Итак я много дамам дал! Зато, что Леша, что Петро, Легко прощупают нутро Любой изысканной девице, Что не способна удивиться Размерам, кажется, любым... В минуту превратится в дым Та неспособность удивляться. Но только, как им не стараться, Не сдастся и на склоне дней Им часть способности моей Иметь так много славных дам, Что мне не раз сказали:"Дам!...» А между тем моя Катюша Уже вернулась из-под душа, И вновь любовная межа Была прекрасна и свежа. Я, как Катюшкин господин, Уверен был: конец един Любого Катиного акта. Три вальсе четверти у такта; Четвертой Катенька всегда Готова быть. И вот тогда Я лег спиною на кровати, Позволив обнаженной Кате Чуть пососать, наверх залезть И на меня самой наесться. Она, обняв меня за спину, Прижалась крепко, и тогда Алеша смазал вазелином Свой член. Без малого труда Он ввел его Катюшке в зад. А Петр, такому делу рад, Раскрыв руками рот Катюшин, Ее взял голову за уши И стал тогда, немного сбоку, Свой пенис ей толкать за щеку. Когда до этого за час Катюшка разрядила нас, Она хотела нас заставить Подольше ей вторично вставить, И это Катьке удалось. Алешка прыгал в ней, как лось, Сама она Петра сосала, А снизу тазом поддавала. И я не вру — вам не придраться — Минут, пожалуй, эдак, двадцать Любили Катьку три мужчины, Стремясь достичь своей кончины. Но первой кончила Катрин Среди искоманных перин. И видя Катины оргазмы Мы трое облегчились разом, Излив в нее любовный сок... Вот это сладкий был кусок!... 14 Чтоб интерес ты не утратил, Я вкратце о себе, читатель Мой драгоценный, расскажу. Но не о том, как я служу, Кто мать моя, а кто отец И мой какой длины конец. Но рифмы легкие тасяя, Себя я малость обрисую. Что обо мне уже ты знаешь? Какие чувства ты питаешь? Ты малой частью знаешь круг Моих знакомых и подруг. Ты знаешь маленькую Зину — Мою забавную кузину. О Галке знаешь и об Ирке — Они мне подставляли дырки. Олега знаешь ты и Настю — Обитель дикой вольной страсти. Алешку знаешь и Петра — Им удалил я взмах пера. Ты знаешь Катю, наконец, Что мой соленый огурец Могла засунуть иногда С двумя другими хоть куда. Из всей наружности моей Ты знаешь только, что длинней Бывают члены моего. Но ты не знаешь одного: Такой распутный образ мой Был создан верною женой. Ведь я обмолвился однажды, Что раз, томим любовной жаждой, Я эту глупость совершил: Стучало в голове: «Жениться!» И окольцованный, как птица, Жизнь холостую завершил. Но до женитьбы был я тих, О чем не говорил мой стих. И в эти «сердца именины» Я быть прекрасным семьянином И верным собирался быть... Да только вот нельзя любить Лишь только днем свою жену. Она же мне говорила: «Ну! Опять ты пристаешь, невежда! Уж коли снял свою одежду — Пижамой тело скрой свое, Ты, наказание мое!...» Когда ее я добивался, Я весь порыву отдавался — Она же при этом все равно Лежала молча, как бревно. Скажи, читатель, мне на милость: К чему ведет сия стыдливость? Ответ известен всем вполне: Несчастный муж на стороне Найдет своей натуре выход. Меня же моя соседка лихо Вокруг пальца как-то обвела И отимела, как могла! При том могла она не плохо: Я то стонал, то громко охал, И в тот момент, когда в нее Вливал я в естество свое, Заходит милая жена. И рот открыв, поражена, Не знает даже, что сказать... Ее пришлось мне потерять. Чтоб компенсировать потерю Я распахнул разврата двери, И соблазнял и там, и тут, О чем и говорит сей труд. Сосите же, жены, у мужей! Давайте им своих «ежей» Головкой члена трогать чаще! Ведите их в такие чащи, Где ваши алые соски Дрожат от мужиной руки. В аналы приглашайте пальцы, И язычком шершавым яйца Любимым трогайте своим. Любовь дарована двоим!... Чем больше в жизни будет оргий — Тем больше можно вспомнить в морге. 15 Мой праздник приключился летом — Под теплым и лохматым

пледом За девять лун до торжества Я был зачат в тебе, Москва. Здоровый дух в здоровом теле — В тот день изрядно попотели Любимые тата с папа Едва покинули попа. И получился я неплох: Я в детстве не страдал от блох, А позже в зрелости своей Я обходил любых парней По соблазнению девиц И член вгонял в них до яиц. Решил я всех своих гостей В свои праздник затащить в постель — Я не из тех, кто ждет подарки. День, как нарочно, вышел жаркий, Холодный сок моим гостям Служанка часто разносила. Она-то знала, что «коням Для кобылиц сегодня сила Сильней обычного нужна!» Остра на язычок она. Мою служанку звали Аней, Мы с ней частенько на диване Играли в «диких лошадей», Полны новаторских идей. Она и нашептала в ухо: «Давай большую групповуху На твой устроим юбилей!»... Такие женщины — елей! Меж тем в моем веселом зале Собрались люди всех мастей. Все вам знакомы. Не узнали? Я ж описал своих гостей В строках сего произведения! Здесь Галя с Ирой, и Олег С Настасьей; двух моих коллег Должны вы помнить бес сомненья: Алеша с Петей — ими Катя По кругу пущена в кровати Была. А, к слову и она На праздник мой приглашена. Забвению не дам в обиду Мою кузину Зинаиду, Ведь ей посвящена глава... Негромким рокотом молва Среди гостей прошла, что нынче Любой в любую членом тычет, Лишь будет подан главный знак. И все в действительности так. Все чином чин: идет застолье, В бокалах — вина древних лет, Но страсти нет еще раздолья, Ведь знака тайного все нет... Все пьют, гуляют и танцуют, Играет музыку квинтет, Но все еще тела тоскуют, Ведь знака тайного все нет... Столы прислуга убирает, Внося в центр залы табурет, Но стоном грудь не распирает, Ведь знака тайного все нет... Как вдруг, с себя срывая платья, Оставшись в туфлях и чулках, Друг другу в жаркие объятья Под неожиданности «ах!», Нагие Катя и служанка Анюта бросились... Ах, жалко, Тебя, читатель милый мой, В ту пору не было со мной! Девицы всем задали жару! В какой экстаз они на пару Сумели привести себя Друг другу груди теребя! Соски лизали языками, Ласкали нежными руками — И это на глазах у всех! Ошеломительный успех. На табурет Катюша встала, И Аня ей рукой достала Чудесный вход меж дивных ног. Тут Катя села, будто йог, Сложила по-турецки ноги, И было видно очень многим, Как лижет щель ее Анюта. Катюшка кончила в минуту. И в этот миг святая страсть Моим гостям передалась. Накинувшись на женщин голых, Они свои втыкали колы В их благодарные тела, И сперма лавою текла. Я смазал член свой вазелином, Раздел прилюдно до гола И попкою надел кузину. Она вскричала как могла. Тогда в ее открытый рот Головки стал вставлять народ. Она сосала и мычала, Покуда палка не кончала. И крика изменилась суть: «Засуньте в рот мне, кто-нибудь!» Затем я на пол лег на спину, На член мой села Катерина Своей сочащейся дырой И, громко охая порой, Но мне, бесстыдница, скакала. А в самой середине зала Алеша сел на табурет, А Ира с Галею минет Над ним со страстью совершили. И Настенька в одний лишь шали По залу бегала нагой И тыкала босой ногой Кому-то в рот, кому-то в попку. Я изловил ее, плутовку, И смачно отимел в углу, Вогнав в красотку не одну Струю густой белесой жижи... Хотя кончать я ненавижу, Когда на том конец игре. Люблю я только на заре, Всю ночь промучив горемык, Позволить, чтобы член мой сник. Но в этот раз, лишь я подругу Пустил сосать по залу кругом, Мой орган встал как в первый раз, Головки показав атлас. Прислуга в зал внесла кровати И все продолжили на вате Разврату придаваться всласть — Пускай царит сегодня страсть! Все время все меняли ложе, Ища кто крепче, кто моложе, Лизали попочки подруг, Язык засунув в узкий круг, Имели раком их и сбоку Вдвоем, втроем и вчетвером, Нас женщины с любовным соком Поили лаской и добром. Мы веселились до утра, Олежек отимел Петра, Пока ему жена сосала То, что меж ног его свисало. Мы, закусивши удила, Кончали в

нежные тела, Сосали плотные соски, Меняли женщин, как носки. Потом, усевшись на кровати, Взяла бразды правленья Катя И, раздразнив свое либидо, Из нас сложила пирамиду. Мой друг, представь себе картину: Лижу я клитор у Ирины, Она сама сосет Олега, Кряхтя, как старая телега! На члене попкою Галина Танцует, словно балерина, При том стараясь у Петра Испить все семя из нутра. Сосет мне ногу Зина нежно: Ей пальцы запусти в промежность Алеша; о ее колено Он с силой трет головку члена, Вставляет сзади в Катерину И строит наслажденья мину. А рядом голенькая Настя Уселась в позе «пенис, здравсте!», Раскинув ноги широко И клитор теребя рукой. Анюта лижет ей соски, А я, назойливый москит, Вгоняю Ане пальцы в анус И наслаждаюсь, наслаждаюсь. Потом не помню, что и было: Все двигалось, стонало, выло, И смысл всей жизни был в одном — Я кончил и забылся сном... Поверь мне, милый мой читатель, Поверь мне — знатоку кроватей: Нет слаще жизни половой, Чем омут страсти групповой! 16 Теперь на старенькой кровати В уютном ласковом халате, Я коротаю дни свои Забыв о страсти и любви. Лицо окутали морщины, Года мои уже не те. Где тот воинственный мужчина, Что находил и в темноте Дорогу к плотским наслажденьям? Что доводил до изможденья Любую всякий раз из тех, Кто не чурался сих утех? Скриплю пером я по бумаге, В воспоминаньях погребен; Уж я успел сменить трех жен И вновь хлебнуть семейной браги. Сейчас живу с четвертой дамой. Она моим молоткам мамой Недавно стала — родила Мне двойню славную она. Теперь своей жене я верен, Храню святой любви очаг Покуда пламень не заchaх В том очаге. Как сивый мерин Я вру на праздничных балах Про годы юности веселой; Про страны, города и села, Что захватил коварный враг, И что мне довелось отбить И даже награжденным быть. Живу обычно и тоскливо, Ем груши, яблоки и сливы, Но никакой волшебный фрукт Не сможет заменить вам вдруг Той радости живой, что годы Уносят прочь... И непогоды Лишь заполняют небосвод Моих былых лихих свобод. Порой даю себе я волю И позволяю милой Оле, Красивой, стройной, кареокой, Брать мой сухой шнурок за щеку. Ей лишь пятнадцатый пошел, Но до чего же хорошо Умеет Оленька сосать!... Жаль никогда уже в кровать Ее к себе не отнесу — Не удержать мне на весу Ее девическое тело. Да и не только в этом дело: Ведь просто верен я жене, Она, надеюсь, тоже мне... На этом труд я завершаю. Читать его я завещаю Всем тем, кто до сих пор не смог Понять: морали нет меж строк. Искать ее — не много смысла. Ищите радостей пока Еще крепка у вас рука, И все системы организма У вас работают как надо, Поскольку есть одна отрада — Уж в этом вы доверитесь мне — Любить всех женщин на земле!..